Ираклий Квирикадзе
реж.

7/VIII-88

7 АВГ 1988
МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ
г. Москва

НАНА КРАСАВИЦА И ИРАКЛИЙ ВЫДУМЩИК

Режиссер Ираклий КВИРИКАДЗЕ: «Бумага, перо, воображение больше всего устраивают меня»

ОЧЕНЬ редко их можно застать вдвоем в Москве. Они — кинорежиссер Нана Джорджадзе и сценарист Ираклий Квирикадзе — живут в Тбилиси и там же снимают свое замечательное кино. Но не только там. Недавно Ираклий Квирикадзе вернулся из Франции, где будут проходить съемки его нового фильма. Вернулся и, не успев даже как следует отдохнуть, принялся за работу. Я застал Ираклия, Нану и оператора картины — прекрасного мастера Левана Пааташвили сидящими за столом, густо забросанным фотографическими карточками с парижскими пейзажами — натурой будущего фильма.

— В последнее время многие наши кинематографисты хотят снимать за границей свои фильмы, и это вызвало уже недовольство у радикально настроенных журналистов, считающих противоестественным такой экспорт кинематографического интеллекта. Как вы считаете, Ираклий?

— Да нет, по-моему, это естественно. Неестественно было раньше, когда мы жили в вакууме и отсутствовали в мировом кинематографическом процессе. Вполне естественно делать фильм, не продаваясь Западу, а используя западную технологию, пленку, аппаратуру, невиданные для нашего кино технические возможности. И я в этом фильме по своему сценарию — но он будет французский — снимаю еще одну грузинскую историю, действие которой разворачивается как во Франции, так и в Грузии. Так что я не изменил себе, своим взглядам и принципам. А то, что это происходит сейчас, так это следствие случившихся перемен. Если мы до этого жили в своем болоте своими куликами, похваливая его, то теперь все стало на свои места. Так ведь существовал весь мировой кинематограф. Американцы снимали в Италии, итальянцы снимали в Америке...

— Немец Вим Вендерс снял фильм «Париж, Техас»...

— ... Социалистические страны — Венгрия, Польша — спокойно делали для западного кино множество проектов. Вайда снимал во Франции — я уверен, что не ради франков. Ну и, конечно, наша техническая оснащенность находится на пещерном уровне. А у них ... вот Леван недавно вернулся из Франции, так ему там предложили сделать дождь в кадре — сто разных дождей: накрапывает, проливной, с порывами ветра... А у нас до сих пор вызывается пожарная машина и два пожарника в касках из брандспойтов заливают все вокруг.

— Очень многие художники не любят относить свое творчество к какой-то определенной области, замыкаться в ней. Сейчас многие говорят о явлении в нашем кинематографе, которое называется «грузинское кино». Вы признаете это явление или, по-вашему, такое обобщение искусственно?

— Нет, почему, признаю.

— А не могли бы вы в таком случае дать определение, как-то охарактеризовать его?

— В грузинском кино работают художники крайних форм выражения себя. Чхеидзе, Параджанов, Абуладзе, братья Шенгелая...

— Кстати, совершенно разные, — Нана впервые вступила в разговор, но тут же снова замолкла.

— ... Есть Александр Рехвиашвили и многие другие, чьи почерки разнятся необычайно. Их всех объединяет, по-моему, тяготение к притче, редко можно заметить в грузинском кино просто бытовые истории. И хотя у нас есть и плохие работы, но суммарно в грузинском кино больше хороших картин — вдруг так получилось. И еще — тяготение к трагикомическим сюжетам, где серьезное и несерьезное, веселое и грустное рядом — его я тоже замечаю у всех этих столь разных художников. Какой-то определенный взгляд на жизнь, хотя глаза разные смотрят, — вот что объединяет грузинское кино.

— В ответе на предыдущий вопрос вы упомянули имя Анджея Вайды. А я вспомнил еще и Кшиштофа Занусси — их обоих объединяет то, что каждый снял очень много фильмов — несколько десятков. А Отар Иоселиани — четыре, Сергей Параджанов — четыре, у вас тоже цифра этого порядка, между тем как возраст почти одинаков, вы режиссеры одного поколения. Почему это происходит — дольше вынашивается идея или просто не давали снимать?

— Ну я бы не сказал, что только потому, что не давали снимать. Хотя сложности и были. После того как я снял фильм «Пловец» и крепко получил по башке, услышав из уст одного из руководителей Госкино Павленка: «Этот фильм надо сжечь», — я очень долго хотел снять фильм по своему сценарию «Мед для всех», но сейчас, по прошествии многих лет, когда мне это предложили, я понял, что уже вырос из этой идеи. То есть этот фактор существует. Но, я думаю, не только он. Существует некая такая структура существования в том кинематографе — останавливаться нельзя. Здесь, у нас, в зависимости от внутреннего темперамента кто-то может снимать один фильм в пять лет, кто-то долго носится с идеей и расшибает себе лоб обо всякие инстанции, а кто-то просто, сняв один фильм, отдыхает на нем, как на диване. Может, и я отношусь к таким людям. Кстати, интересно, что Отар Иоселиани, оказавшись на Западе, тоже превратился в активно снимающего режиссера. После «Фаворитов луны» он сделал одну документальную картину и уже заканчивает другую, очень интересную, и параллельно готовится к большой картине, которую он будет снимать в Африке.

— А как будет называться ваш новый фильм?

— Может быть, звучит несколько экстравагантно, но если знать сюжет, то понятно: «Розовощекий Дон Жуан плачет».

— У вас, видимо, тяга после коротких «Кувшин», «Пловец» — к длинным, вычурным названиям. Вот и в «Юности» опубликованная ваша вещь именовалась причудливо: «Радуга в глазах хромой собаки». Вы всерьез занимаетесь прозой или же это сценарий, литературная форма?

— Обычно я так пишу сценарии — это нечто среднее между литературой и киноформой. Выбрать короткий сюжет из них всегда очень трудно, потому что фантазия меня одолевает, и я всегда очень много придумываю. Получается типичный для меня коллажный сценарий, в котором правда перемежается выдумками. Вот и «Радугу...» я когда-нибудь с удовольствием сниму в кино. А когда в «Юности» мне предложили напечатать это, то я лишь заменил слово «сценарий» в начале на слово «повесть». Правда, в редакции еще зачем-то прибавили слово «памфлет».

— Видимо, опасались, что бывший президент США Ричард Никсон подаст на журнал в суд и станет доказывать, что никогда не работал проводником на советских железных дорогах, а королева Англии не бывала в Грузии... Удивительно, что на такие заманчивые сюжеты не бросаются кинематографисты.

— Вот сегодня только мне позвонили из Ташкента и сказали, что режиссер Оскар Фатхулиев закончил съемки фильма по моему сценарию. До этого он сделал прекрасную короткометражку по моему же сценарию — «Царапина», которая на фестивале в Оберхаузене получила один из главных призов. Сейчас Валерий Огородников, ленинградский режиссер, который очень хорошо заявил о себе картиной «Взломщик», снимает фильм по моему сценарию — «Бумажные глаза Пришвина»... Да, действительно, тянет меня на такие названия. Я много писал и для мультфильмов. Ну, а из заметных воплощений моих сценариев — снятая Наной «Робинзонада, или Мой английский дедушка», которая получила «Золотую кинокамеру» в Канне в прошлом году.

— А как вы работаете вместе — не ругаетесь ли?

— Скажу вам честно: тяжело работаем, очень тяжело. Но, наверное, в этом тоже есть своя прелесть, — улыбнулась Нана.

— Но ведь режиссер имеет над сценаристом некоторую власть...

— Сейчас Нана у меня работает в картине вторым режиссером, — Ираклий широким жестом показал в сторону Наны, клеящей фотографии, — и то, что она сейчас делает, входит в ее обязанности. Нана сейчас снимает документальную картину о Тбилиси, но сейчас у нее небольшая пауза в съемках.

— А ваши творческие устремления, стиль работы, убеждения — совпадают ли они? Ведь бывает и так, что постоянное присутствие рядом сильной творческой личности сильно мешает, подавляет, тем более если речь идет об одной и той же области искусства.

— Я все понял, — Ираклий Квирикадзе «прозрел», — Нана меня ночью удушит и начнет творить самостоятельно... Да нет, вроде работаем вместе. Кстати, ведь и другой получивший известность фильм Наны — «Поездка в Сопот», который получил в прошлом году Гран при и еще четыре приза — случай уникальный — в Оберхаузене, тоже по моему сценарию снят. И прямо из Оберхаузена — я уж похвастаюсь за Нану — она поехала в Канн, где и получила «Золотую кинокамеру», про которую злые языки в Тбилиси говорят, что Нана отобрала ее у Левана Пааташвили... Ты слышишь, Леван?.. Мол, раз приз называется «Золотая кинокамера», значит, присуждается оператору, которого на фестивале не было, и приз вручили члену съемочной группы, режиссеру Нане Джорджадзе, которая, вместо того чтобы по приезде в Тбилиси вручить ее Левану, зажилила и приписала себе.

— Я должна сказать, что Левану Пааташвили нужно присудить не одну, и не две, и не десять «Золотых камер», а гораздо больше, потому что, если у каких-то картин, снятых Леваном, есть успех, то в этом больше половины — его заслуга.

— Так за что же присуждается «Золотая камера»?

— За первый полнометражный фильм режиссеру-дебютанту.

— А почему, Нана, вы не развиваете, как говорят военные, успех и не снимаете новый полнометражный художественный фильм?

— У нас большая очередь на «Грузия-фильме». И снимать раз в год или раз в два года просто физически невозможно, потому что студия делает девять картин в год, а только штатных режиссеров на «Грузия-фильме» восемьдесят, не считая новоокончивших, которые тоже хотят снять полнометражный фильм. А наш директор Резо Чхеидзе очень любит молодых и всячески им помогает. Поэтому максимум раз в пять лет снимается картина одним режиссером, а минимум — раз в два, три года — не снимает почти никто.

— А на «Мосфильме», на других студиях?

— Во-первых, надо тоже через кого-то перепрыгивать, с кем-то конфликтовать, да и чисто технически возможности такой нет. И режиссеры тоже ждут по нескольку лет.

— Да, но они не получали призов, да и, как выясняется, некоторым — их довольно много — было бы лучше заняться чем-либо другим.

— Да, но что же вы думаете, что на «Грузия-фильме» нет таких режиссеров? — удивляется Ираклий.

— Я не видел откровенно плохих грузинских фильмов.

— Я заметила, — сказала Нана, — что даже те фильмы, которые мы сами считаем очень слабыми, — они все-таки имеют зрительский успех.

— Да, — соглашается Ираклий, — действительно, топорных работ у нас нет. Бывает слабый сюжет, бывает вялый темперамент, но языком кино владеют даже средние и даже не очень хорошие грузинские режиссеры. Видимо, это какое-то чисто национальное качество.

— Нана, ваша «Робинзонада...» — это притча о добре и зле, о понятиях философских, общечеловеческих, глобальных. А вам никогда не хотелось сделать фильм, где исследовался бы внутренний мир женщины, загадочный даже для самих женщин? Ведь есть неплохая возможность — вы женщина-режиссер и имеется в наличии Ираклий Квирикадзе, который так замечательно умеет писать сценарии. Вы бы ему все рассказали, он бы добавил свои внешние наблюдения...

— Я как раз сейчас собираюсь делать картину о женщине. О женщине средних лет, о женщине не совсем обычной — она поэт. В некоторой степени это будет биографический фильм, хотя я не очень-то люблю подобный жанр — ведь если не соблюсти всех исторических подробностей, то будет просто непорядочно. Поэтому просто взят образ женщины-поэта и какие-то биографические эпизоды, линии действительной жизни. А сценарий написал Ираклий.

— Скажите, что вам больше всего мешает работать — внутри, извне?

— Если внутренне я готова к чему-то, то извне мне уже ничего помешать не может. Через все можно переступить, все перенести, если внутренне ты готов, если фильм созрел в тебе. Все может случиться, но если ты готов, то это главное.

— Мне мешает моя леность, — создатель фильма «Пловец», воспевающего неукротимость духа, произнес: «лен-ность» несколько растянуто и с явным удовольствием, — и мое раздвоение между желанием писать и нежеланием снимать. И между увлечением снимать, когда я снимаю. А до того, как я начну снимать, я безумно не хочу этого. Бумага, перо, воображение, одиночество больше всего встраивают меня.

— Я смотрю, Нана, у вас очень уютный дом, пусть это и очень маленькая однокомнатная квартира. Но ведь вы лишь приезжаете сюда, а живете в Тбилиси?

— Да, приходится довольно часто бывать в Москве — утверждать сценарии, что-то согласовывать. Дела находятся. Да, и кроме того, Ираклий ведь преподает во ВГИКе...

— Живя в Тбилиси?

— Да. С тех пор, как он вместе с Тенгизом Абуладзе набирал курс в тбилисском киноинституте, кстати, мы там и познакомились, я была студенткой Ираклия, он не преподавал. Но однажды к нам сюда, в эту московскую квартиру, пришли студенты первого курса ВГИКа и попросили Ираклия стать их руководителем, поскольку их совсем не устраивала творческая программа тех, к кому они поступили. Ираклий, конечно, отказался. Потом ребята пришли снова, приходили еще и еще. Ираклий сходил во ВГИК, поговорил с прежним руководителем студентов — его очень волновала этическая сторона вопроса, — но тот с радостью принял предложение, сказав, что студенты только мешают ему... Сейчас они на третьем курсе, и мы вот только что посмотрели превосходные фильмы, снятые двумя из них.

— Я предчувствую, — вмешивается Квирикадзе, — что вокруг одной из этих картин будет большой шум. Не захотят, чтобы ее увидели, чтобы она получила приз на каком-нибудь фестивале. Очень острый фильм, и борьба будет острой.

— Как вы считаете, Ираклий, до какой степени в искусстве уместна игра, рассуждение о важном с несерьезным видом? Есть ли и где находится граница игры и должна ли она быть вообще?

— Если ты делаешь кино авторское, если ты — может, это громкое слово — исповедуешься, то, конечно, тут нет места для игры. Ну а форма может быть разной — ведь нельзя же всерьез встать перед камерой на колени и начать каяться. Есть много художников — Бергман, который все время занимается своей бесконечной исповедью о себе, о жизни, о своей силе, о слабости, Феллини в «Амаркорде» — он же играет! — но за этим стоят очень серьезные взгляды на жизнь человека, обретшего мудрость и пропустившего через себя многие важные вещи при том, что он все время, все время играет. Все в зависимости от искренности твоей, от накала твоей души, но все же, мне кажется, игра присутствует всегда. И я не верю художнику, который говорит, что у него нет времени на игры, — каждый преподносит себя, ведь даже в том отборе, в том отсечении чего-то от чего-то есть игра.

— Это уже философские игры.

— Да, я так думаю.

— И последний вопрос: вы довольны современной ситуацией в нашем кинематографе? Легче стало работать лично вам?

— Главное, это порядочные люди, — Нана употребила уже порядком забытое определение, — сейчас руководят Союзом. Это люди честные, не идущие на компромиссы, творцы. Это уже очень много. А реальные успехи — видимо, нетерпение сильно в каждом, всем хочется быстрее, быстрее, быстрее — они будут.

— В общем, то что разрушено — хорошо, что разрушено, но новая постройка пока видна только в контурах. Но ростки нового есть, и мне иногда становится по-хорошему завидно молодым.

Беседу вел
Иван ПОДШИВАЛОВ.
Фото автора.

209